

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-3-41-58

ГЛАВА ГОСУДАРСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

И.В. Лексин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
leksin@sra.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена концептуальным основам проблематики главы государства и нацелена на преодоление распространенных методологических ошибок в рассуждениях о данном институте, а равно затруднений, вызываемых произвольным смешением вопросов о разработанности или неразработанности понятия «главы государства», о наличии или отсутствии соответствующего явления и об использовании или неиспользовании соответствующего термина.

В первой части статьи выявлена множественность понятий, обозначаемых термином «глава государства», рассмотрена совместимость главенства с ключевыми концепциями государства, продемонстрирован внеправовой характер большинства представлений о главе государства, выделены немногочисленные конструкции понятия «главы государства», которые могут быть отнесены к категории юридических. На этой основе сформулированы базовые рекомендации по нормативному использованию словосочетания «глава государства».

Ключевые слова: государство, глава государства, высшее должностное лицо, гарант, президент, монарх, правитель.

Для цитирования: Лексин И.В. Глава государства: концептуальные проблемы и возможности их преодоления // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 3. С. 41–58. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-3-41-58

Дата поступления в редакцию: 19.03.2023.

HEAD OF STATE: CONCEPTUAL CHALLENGES AND PROBLEM-SOLVING OPPORTUNITIES

Leksin I.V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
leksin@spa.msu.ru

Abstract. The article is devoted to the conceptual foundations of the head of state problematics and is aimed at overcoming common methodological errors in reasoning about this institution, as well as at the difficulties caused by unintentional confusion of the issues regarding formation of the head of state concept, development of the corresponding phenomenon and the usage of the corresponding term.

The first part of the article reveals the plurality of concepts denoted by the term “head of state”, considers compatibility of headship with the basic concepts of the state, demonstrates the extralegal nature of the majority of conceptions of the head of state, highlights the few constructions of the head of state concept that can be considered as the legal ones. On this basis, common recommendations on the normative use of the word-combination “head of state” are suggested.

Key words: state, head of state, chief official, guarantor, president, monarch, ruler.

For citation: *Leksin I.V.* Head of state: conceptual challenges and problem solving opportunities // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2023. Vol. 20. No. 3. С. 41–58. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-3-41-58

Received: 19.03.2023.

Введение

Проблематику, связанную с главой государства, в целом сложно назвать новой для правоведения или обойденной его вниманием. Однако по степени проработанности она все же отстает от многих вопросов организации публичной власти. Это связано с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, представления о главе государства требуют концептуализации самого государства. Таковая интенсивно осуществлялась во второй половине XIX в. — первой половине XX в. (что неслучайно совпало с периодом становления социологии и психологии и бурного развития неклассической и постнеклассической философии), приведя к формированию множества вполне самостоятельных понятий государства. Это, в свою очередь, делает за-

дачу выработки цельного понятия главы государства практически неразрешимой.

Во-вторых, научная разработка понятия собственно главы государства также была начата сравнительно недавно. Однако длительное существование явлений, исторически предшествовавших главам государств современного типа, сходных с ними в тех или иных отношениях, спровоцировало объединение множества разных понятий под одним именем.

В-третьих, такой собирательный характер рассматриваемого явления, в свою очередь, приводит к невозможности определиться с его ключевыми чертами, чем объясняется разногласия в определениях.

В целом можно констатировать, что на сегодняшний день концептуальные представления о главе государства не достигли состояния системности. Конечно, нельзя отрицать наличия ряда практических вопросов, глубоко и обстоятельно разработанных отечественными конституционалистами. Однако эти вопросы относятся преимущественно к национальной (русской и зарубежной) практике установления и реализации конституционных и законодательных норм, тогда как принципиальные вопросы конституционно-правовой концепции обычно не столько подвергаются осмыслению, сколько видятся не нуждающимися в осмыслении (в силу наличия авторитетных работ о главе государства), либо не поддающимися решению (в силу множественности авторитетных взглядов), либо решаются авторами интуитивно на основе собственных политико-философских симпатий и антипатий.

Методологические затруднения: неизбежность «кругового движения»

Осмысление любой проблематики требует достижения определенности в трех взаимосвязанных и в то же время относительно самостоятельных аспектах, к каковым относятся: практическое выражение явлений, понятия о них и используемые для их обозначения термины. Эти аспекты сложно ранжировать по степени значимости, поскольку изъяны в каждом из них ведут к построению неадекватной научной картины. Переплетенность указанных аспектов особенно заметна в общественных науках, имеющих дело с массой абстрактных явлений, не поддающихся непосредственному наблюдению, а конструируемых коллективным сознанием и социальным взаимодействием.

К таким сконструированным явлениям — наряду с обществом, государством, правом, государственной властью — относятся и

сравнительно конкретные институты, в том числе и глава государства. В его осмыслении невозможно выбрать отправную точку, от которой можно было бы последовательно вести рассуждения, не сомневаясь в их адекватности. Практическое выражение данного института претендовать на роль безупречного источника достоверности не может, поскольку исследователь не наблюдает институт главы государства как объективную данность, а сам формирует эту данность, приписывая тем или иным фактическим обстоятельствам характеристику «глава государства» (в результате подвергая исследованию свои собственные взгляды), либо принимает за объективную данность представления авторитетных специалистов (в результате изучая не главу государства, а чужое видение данного института) или официальные обозначения тех или иных институтов данным титулом (в результате делая объектом изучения представления законодателя). Таким образом, отправляться в исследованиях непосредственно от практики невозможно, поскольку точка отправления в действительности будет задаваться либо понятием, либо термином.

Отталкиваясь от термина «глава государства», на первый взгляд, можно достичь хотя бы формальной стройности, однако достижимость таковой обманчива, поскольку у данного словосочетания не может иметься ясного значения. Смысл слова «глава» варьируется в зависимости от историко-культурного контекста (круг обстоятельств, с которыми ассоциировалось главенство в разные эпохи в разных странах, весьма не однороден). Второе слово, в свою очередь, также может принимать различные значения в силу множественности политико-философских, юридических и социологических концепций государства. Кроме того, местами терминология сливается воедино с конструируемой реальностью (по крайней мере, с ее правовой составляющей: нормативное использование термина «глава государства» нередко бывает сопряжено с учреждением соответствующего института).

Видеть исходную основу для рассуждений в выработанных понятиях о главе государства, в свою очередь, нельзя, поскольку эти понятия трансформируются вслед за юридической и социально-политической практикой, а также в немалой степени зависят от терминологического ряда (так, появление термина «глава государства» в XIX в. послужило немаловажной предпосылкой осмысления правителя как, во-первых, органа государства, а во-вторых, как универсального органа, — не привязанного к отдельной форме правления).

Таким образом, рассуждения о главе государства не имеют строгой опоры и требуют движения по кругу между опосредующими и корректирующими друг друга источниками: практикой (социально-политической и юридической), содержанием понятий и корреспондирующими терминами. В отсутствие достоверных посылок заведомо исключено достижение как бесспорных, так и безусловно неверных концептуальных построений. Продуктом такого осмысления может быть не объективная истина или ложь (хотя, конечно, отдельные суждения вполне могут оказываться ложными, с точки зрения формальной логики, например, как известно, индуктивным путем можно получить лишь вероятностное, но не демонстративное умозаключение), а лишь та или иная конструкция, связывающая понятие «главы государства», явления социально-политической и юридической действительности и терминологию непротиворечивым либо беспорядочным образом. Вариантов хаотичного конструирования существует великое множество, поскольку в силу запутанности данной проблематики не заметить ошибку в рассуждениях весьма несложно. Однако и возможности корректного построения рассуждений о главе государства, как будет показано, не сводятся к единственному способу.

Как бы то ни было, обращение к выбранной проблематике требует ее структурирования, основанного на разделении суждений на относящиеся к термину, к понятию и к явлению. Конечно, было бы неверным утверждать, что риск смешения вопросов о наличии или отсутствии явления, о разработанности или неразработанности понятия и об использовании или неиспользовании термина полностью игнорируется. Явным свидетельством беспокойства ученых по этому поводу служат попытки разграничить «реальных» и «формальных» глав государства¹. Однако ощущаемые нестыковки традиционно подвергаются осмыслению лишь на стадии классификации практических проявлений института главы государства, хотя обоснованность самой операции классифицирования должна подвергаться сомнению прежде основательного разбора этих проявлений. Иначе оказывается, что заведомо существует некий концептуальный эталон главы государства, который остается лишь сравнить с практическим состоянием субъектов, официально титулованных «главами» государств.

¹ См. об этом, в частности: *Краснов М.А.* Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала президента // Государство и право. 2015. № 1. С. 14.

Единственный концептуальный эталон или множество понятий главы государства

Исходная проблема типичных рассуждений о главе государства коренится в методологическом инструментарии. Объем соответствующего понятия формируется путем индукции (выведения свойств главы государства из практических явлений, считающихся главами государств), синтеза (соединения всевозможных явлений, именуемых главами государств с разных точек зрения, в некое совокупное понятие) и непреднамеренной аналогии (а именно, приписывания главе государства всех свойств органов и лиц, исполняющих функции главы государства, т.е. соединения понятий главы государства и понятий президента, монархического правителя и т.п.).

Сконструированное таким способом понятие «главы государства» не вписывается в требования формальной логики: признак, который можно было бы считать общим для всего объема понятия и при этом отграничивающим его от других понятий, подобрать невозможно. Данным понятием охватываются разные персоны и (или) организационные структуры, которые в разные эпохи и (или) с разных точек зрения ассоциировались и продолжают ассоциироваться с главенством по отношению к, опять же, разным явлениям, которые обозначались и обозначаются словом «государство»².

Иллюстрациями этому служат попытки определить данное понятие, которые с высокой вероятностью вступают в противоречие с кругом явлений, включаемых авторами определений в его объем. В частности, трактовка главы государства как должностного лица³ конфликтует с монархической формой правления⁴, опреде-

² Даже сегодня в рамках одного и того же документа государство может пониматься в нескольких совершенно разных значениях. Например, в Конституции РФ 1993 г. государство упоминается и как политически организованная общность (см. ст. 1, ч. 1 ст. 7, ч. 5 ст. 13, ч. 1 ст. 14, ч. 1 ст. 32, ч. 3 ст. 55, ч. 2 ст. 67¹), и как субъект (см. ст. 2, ч. 2 ст. 19, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 38, ст. 52, 53, ч. 1, 2 ст. 62, ч. 4 ст. 67¹, ч. 4 ст. 68, ч. 2 ст. 69, ч. 5 ст. 75), и как политический и административный аппарат (система органов) (см. ч. 2 ст. 14, ч. 1 ст. 61, первое предложение ч. 2 ст. 63, ст. 75¹), и как территория, на которую распространяется юрисдикция государства в двух предыдущих значениях (см. второе предложение ч. 2 ст. 63, ч. 2¹ ст. 67).

³ См., например: Конституционное право зарубежных стран / О.В. Афанасьева, Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, А.В. Малько; Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.В. Малько. М.: Норма, 2004. С. 167.

⁴ См. об этом, в частности: *Лексин И.В.* К юбилею института президентства в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. № 4. С. 125.

ление его как «высшего должностного лица и... высшего органа государства»⁵ (или как «юридически занимающего высшее место в системе органов государства»⁶, «формально высшее место в иерархии государственных институтов»⁷, «высшее место в иерархии институтов власти»⁸) — с концепцией разделения властей, а определение как органа государства или «института, представляющего государство»⁹, не совместимо с отнесением к главам государств патримониальных правителей.

По сути, в науке и в политико-правовом обиходе имеется лишь образ главы государства (персона или коллектив, воспринимаемая или воспринимаемый в определенную эпоху по тем или иным причинам как главная или главный в рамках того или иного государственного сообщества¹⁰), но не полноценное (с точки зрения формальной логики) понятие «главы государства». Строго говоря, оно и не может быть полноценным, поскольку не обладает свойством цельности. Логически более корректным было бы признание множественности отдельных понятий, обозначаемых одним и тем же словосочетанием «глава государства». Этим понятиям будут посвящены следующие разделы статьи.

Внеправовое происхождение и развитие понятийной основы и терминологии

Юриспруденция привычно рассматривает словосочетание «глава государства» как правовой термин. В последние два с лишним столетия оно, действительно, получает нормативное — конституционное и (или) законодательное — закрепление (начало его официально использованию было положено французской Кон-

⁵ Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. С. 178.

⁶ *Кутафин О.Е.* Глава государства: монография. М.: Проспект, 2015. С. 4; Глава государства: монография / отв. ред. А.М. Осавелюк. М.: Проспект, 2021. С. 14.

⁷ Сравнительное конституционное право / отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Манускрипт, 1996. С. 590; Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д.ю.н., проф. Ю.И. Лейбо и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004. С. 210.

⁸ *Озиев Т.Т.* Конституционное право: учеб. пособие / под ред. Б.С. Эбзеева. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 156.

⁹ См.: *Автономов А.С.* Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М.: ИНФОГРАФ, 1999. С. 313; *Маклаков В.В.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 710.

¹⁰ В русле такого восприятия находится ассоциирование главы государства с «лицом, стоящим над всеми другими лицами и органами» (*Кутафин О.Е.* Глава государства: монография. М.: Проспект, 2015. С. 6).

ституционной хартией 1814 г.¹¹). Однако исконно юридическим его признать никак нельзя. По смыслу употребления в нормативных документах данное выражение (равно как и «глава субъекта федерации» или «глава муниципального образования») представляет собой политико-философскую метафору. В формально-юридическом смысле возглавлять можно лишь некий коллектив (сообщество, делегацию). Такого рода представления о государстве, бесспорно, находили поддержку не только социологии и политологии, но и в юридической науке. В частности, в этом русле располагается характеристика государства как особым образом организованного (политически-организованного) общества или «союзного единства оседлых людей»¹², «союза... властвующего... в пределах определенной территории»¹³, «оседлого союза людей»¹⁴. Однако, во-первых, все эти варианты трактовок, несмотря на принадлежность их авторов к юридической профессии, по своей сути относятся к социологическому пониманию государства. Во-вторых, данное понимание государства было выработано лишь в конце XIX в. и не могло иметься в виду в период вхождения словосочетания «глава государства» в политико-правовой обиход¹⁵. К началу же XIX в., по сути, еще не было сформулировано ни научной, ни юридико-практической концепции государства. Хотя практика государственного строительства и политико-философская мысль проделали за постантический период немалый путь, в формально-логическом отношении понятие о государстве не сильно изменилось с античных времен и охватывало не сколько определенный институт, сколько всю область дел публичного характера. Возглавлять государство в таком расплывчатом смысле было бы возможно лишь в фигуральном смысле.

Представления более ранних эпох о явлениях, которые сегодня обобщенно принято называть главами государств, также в основном не имели юридического характера. Из такого рода пред-

¹¹ Согласно ст. 14 Хартии король являлся «верховным главой государства» (фр. «*chef suprême d'Etat*»).

¹² См.: Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 24–27; Еллинек Г. Право современного государства. Издание 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессенем. Том первый. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 114–117, 126–131.

¹³ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 22.

¹⁴ Ильин И.А. Теория права и государства. М.: ЗЕРЦАЛО, 2003. С. 134.

¹⁵ Скорее, пониманию главы государства как предводителя народа соответствовал использовавшийся с 1804 г. титул «Император французов», которому как раз и противопоставлялось упомянутое выражение Конституционной хартии 1814 г.

ставлений о главах государств одним из наиболее ранних можно считать концепт «патриархального» правителя (своеобразной его иллюстрацией служит преподносившийся выдающимся государственным деятелям, включая отдельных принцев, титул «отца отечества»¹⁶). Параллельно бытовало и представление о руководителе общими делами¹⁷ (что и сегодня продолжает на обиходном уровне ассоциироваться с главой государства).

Но нужно учитывать, что в античном терминологическом ряду не имелось полноценного эквивалента ни «главы государства»¹⁸, ни самого «государства»¹⁹. Правда, в литературе можно встретить, например, утверждение, что «государство... Цицерон определяет как дело, достояние народа»²⁰, хотя Цицерон не давал определения государства в строгом смысле²¹ и не мог этого делать — в силу от-

¹⁶ Лат. *Pater Patriae*.

¹⁷ В рамках такого понимания располагается использование в отношении правителя эпитетов “*tutor et procurator rei publicae*”, “*rector et gubernator civitatis*” (*Ciceronis M.T. De Re Publica*. Bostoniae: O. Everett, 1823. P. 69), т.е. «оберегающий общее дело и пекущийся о нем», «правитель сообщества и управляющий сообществом».

¹⁸ Даже встречающиеся в русскоязычных изданиях трудов античных мыслителей выражения вроде «во главе государства» (см., например: *Цицерон. Диалоги / отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. С. 51, 69, 74*) используются лишь для передачи общего смысла, совсем не имея дословной основы в латинском тексте (ср.: *Ciceronis M.T. De Re Publica*. Bostoniae: O. Everett, 1823. P. 75, 107, 117).

¹⁹ Греческие понятия полиса, политики, как известно, по смыслу ближе не к государству, а к организованному коллективу, могущему состоять всего из нескольких человек (см.: *Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015. С. 81*). Лат. “*res publica*” — это также не государство, а прежде всего «общественное дело», или «общее дело», которое, так или иначе, связано с государством, но которое только в некоторых контекстах и с оговорками можно перевести именно как «государство». Симптоматично, что стремление переводить “*res publica*” как «государство» характерно не для каждого языка. Так, англоязычной и германоязычной традициям более соответствуют обозначения «общество», «сообщество», «общественность» (см.: *Cicero M.T. On the Commonwealth*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1960; *Cicero M.T. Vom Gemeinwesen. De re publica Lateinisch und Deutsch*. Zürich: Artemis, 1973).

В русскоязычных же изданиях “*res publica*” почти автоматически оказывается «государством». Менее регулярно, но излишне часто так переводится и “*civitas*” (“*ciuitas*”), хотя в оригинале речь может идти о поселениях или общинах (ср., например: *Цицерон. Указ. соч. С. 11; Ciceronis M.T. Ibid. P. 12*).

²⁰ История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Изд. 2-е, стереотип / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 76; *Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. М.: НОРМА, 2022. С. 95*.

²¹ Цицерон лишь задавал риторический вопрос: “*Quid est res publica, nisi res populi?*”, т.е. «Что есть дело общее, если не народное?» (*Ciceronis M.T. Ibid. P. 28*), — впоследствии неоднократно возвращаясь к этому в утвердительной форме.

сутствия у римлян соответствующего понятия, нуждавшегося в определении. Равно и Аристотель не составлял дефиниции государства вообще, но констатировал с демократических позиций, что полис есть «совокупность»²² (или «масса»²³) граждан.

Государственным образованиям еще более глубокой древности, конечно, также не было чуждым лидерство, но трактовка доантичных правителей как глав государств не приобрела заметной популярности. Это объясняется как скудостью достоверных эмпирических данных о государственном строе того периода, так и отсутствием аутентичных политико-философских источников, сопоставимых с древнегреческими или древнеримскими. Кроме того, как позволяют полагать исторические данные, власти древних царей был свойствен выраженный мистический или религиозный характер, обусловленный их обожествлением или выполнением ими функций верховных жрецов. Однако, как известно, стремление к обожествлению монарха или, по крайней мере, к приданию его власти священного характера, наблюдалось на всем протяжении монархической истории и сохраняется в настоящее время. Если же не обращать внимания на остальные указанные обстоятельства, то древних царей можно признать вполне вписывающимися в вышеуказанный образ «главного лица».

Философия средневековья и Нового времени дополнила названные варианты рядом нововведений. Одно из наиболее существенных среди них связано с распространением представлений об обществе (государстве) — «республике» как о политическом организме. В современной литературе рассуждения по этому поводу нередко датируются гораздо более ранними эпохами, однако приверженность античных мыслителей органическим ассоциациям преувеличена (отчасти благодаря вышеупомянутым неточностям перевода). Так, Аристотель, действительно, проводил параллели между полисом и человеческим телом, но не с точки зрения набора их частей (элементов), а лишь указывая на гармоничность (симметричность) конструкции как на важную характеристику обоих явлений, на потребность в соразмерности их частей²⁴. А поскольку части полиса (государства) он выделял совсем не по анатомическому признаку, но — вслед за Сократом и Платоном — по социальным

²² См.: *Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4.* / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 444.

²³ См.: *Политика Аристотеля* / Н. Скворцов; пер. с греч. языка, с примечаниями, с критическим исследованием о Политике Аристотеля и с двумя экскурсами. М.: Университетская типография, 1865. С. 118.

²⁴ Там же. С. 323–324.

ролям²⁵, то и к органической концепции государства не приходил. Соответственно, и продолжавшие традиции античной философии мыслители Средневековья в своих рассуждениях о частях государства²⁶ воздерживались от проведения анатомических аналогий между последним и живым существом²⁷. Распространялись же такого рода аналогии не столько в русле античной традиции, сколько вопреки ей. Проявлением такого творческого отклонения от этой традиции стали, в частности, вошедшие в философский обиход в XII—XV вв. характеристики правителя как «головы республики»²⁸, головы «политического тела»²⁹ и пр.

В течение Средневековья и Нового времени подверглись модернизации и два названных выше ролевых акцента главенства («патриарх» и «руководитель»). Сохранившись как образы³⁰, они послужили отправной точкой для формирования представлений об обновленных ролях правителя: соответственно, верховного арбитра (правитель — судья в максимально широком смысле) и главы исполнительной власти.

Хотя эти роли, безусловно, подразумевают юридическое значение деятельности главы государства, выстроить его правовую концепцию они также не помогают, поскольку характеризуют правителя в отдельности, а не главу во взаимосвязи с государством как юридическим явлением. До разработки понятия о государстве как о явлении такого рода и вне таких представлений понимание главы государства также не могло иметь правового характера. Впрочем, и появление указанных представлений о государстве не могло полностью закрыть вопрос о юридическом характере понятия его главы, поскольку главенство в строгом смысле, как было упомянуто, при-

²⁵ Указывая разные комбинации таких частей в зависимости от контекста, — например: земледельцев, ремесленников, воинов, торговцев, жрецов и судей (см.: Там же. С. 193), земледельцев, ремесленников, торговцев, класс фетов, сословие воинов (см.: Там же. С. 256). Причем предполагалось, что заниматься управлением полисом (в зависимости от формы правления) может каждая из его частей (см.: Там же. С. 259–266).

²⁶ См., например: *Defensor Pacis: sive Adversus Usurpatam Rom. Pontificis Iurisdictionem*, Marsilii Patavini. Francofurti, 1592. P. 11–21.

²⁷ См., например, описание Марсилием Падуанским души и сердца государства (*ciuitatis*): *Ibid.* P. 67–69.

²⁸ Срав. лат. *caput Reipublicae, caput in Republica* (см.: *Ioannis Saresberiensis. Policraticus: sive De nugis Curialium, et vestigiis Philosophorum, libri octo.* Lugduni Batavorum, 1595. P. 181, 212–214, 225).

²⁹ См.: *Fortescue. De Laudibus Legum Angliae. The Translation into English and the Original Latin Text with Notes.* Cambridge, 1825. Pp. 37–38.

³⁰ О сопоставлении правителя с главой семьи см., в частности: *Bodin Anguein I. Les Six Livres de la République.* Paris, 1576. P. 49 et seq.

менимо к государству лишь в социологическом, но не в правовом смысле. Юридическое же понимание государства неизбежно превращает его «главу» в фигуру речи.

Глава государства как компонент правовой реальности

Большинство значений, в которых используется слово «государство», не имеет юридического характера. Это же закономерно может быть сказано и о «главах», которые соотносятся с «государством» в соответствующих значениях. Более того, не каждое из правовых значений слова «государство» поддается совмещению с «главой». Так, выражение «глава государства» оказывается бессмысленным в случае, если под государством понимается отношение³¹ (в частности, юридическое отношение властвования³², юридическое отношение всех граждан по поводу одного объекта — власти³³, «властное отношение между личностями»³⁴, или система правоотношений³⁵).

Среди юридических концепций государства наибольшую совместимость с «главой» демонстрируют представления о юридической личности государства (о государстве — субъекте права)³⁶, интенсивное развитие которых в XIX в. хронологически совпало с начавшимся официальным использованием выражения «глава государства». Эти представления и сегодня служат стержнем большинства определений главы государства: последний в таком слу-

³¹ Данный подход приобрел значительную популярность в германоязычной юриспруденции конца XIX в. См., в частности: *Иеринг Р.* Цель в праве. I том. СПб., 1881. С. 221.

³² См. об этом, например: *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Издание 6-е. Т. I. СПб., 1909. С. 43–48; *Гессен В.М.* Общее учение о государстве: лекции, читанные в С.-Петербургском Политехническом Институте. СПб., 1912. С. 184.

³³ См.: *Коркунов Н.М.* Указ и закон. СПб., 1894. С. 195–199. Пользуясь современной терминологией, государство в развитие концепции Н.М. Коркунова можно было бы охарактеризовать как правовое состояние.

³⁴ *Алексеев Н.Н.* Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М.: Московское научное издательство, 1919. С. 167.

³⁵ *Покровский П.А.* К вопросу о субъектах международного права // Известия Министерства иностранных дел. СПб., 1912. Книга VI. С. 192; *Его же.* О государственной власти. Опыт монистической конструкции юридической личности правового государства. Ярославль, 1914. С. 35–36, 49–50.

³⁶ См., в частности: *Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 11; *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 319; *Кокошкин Ф.Ф.* К вопросу о юридической природе государства и органов государственной власти. М., 1896. С. 13; *Елистратов А.И.* Очерк государственного права (конституционное право). Издание второе, переработанное. М., 1915. С. 22–30; *Магазинер Я.М.* Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. докт. юрид. наук А.В. Кравцов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 300.

чае понимается как лицо или структура, на которое или которую возложена функция выступать от имени государства³⁷. Как видно, главенство в рамках такой схемы можно понимать лишь в переносном смысле: субъект права буквально никто не может именно «возглавлять», а представительство совсем не тождественно главенству в буквальном смысле.

Главенство лица или структуры, играющего или играющей представительскую роль по отношению к государству, концептуально может обосновываться: либо сосредоточением в его компетенции важнейших государственных функций, либо координацией действий других государственных органов и обладанием «правом последнего решения в важнейших актах государственной деятельности»³⁸. Однако эти интерпретации отражают не юридическое положение главы по отношению к государству, а либо его политическое доминирование в пределах государственного аппарата, либо патерналистскую функцию (функцию арбитра по отношению к другим органам государства), либо функцию завершающей инстанции в принятии ими совместных решений. Государство по отношению к главе в описанных ипостасях, в свою очередь, также оказывается другой сущностью (не субъектом права, а государственным аппаратом). Кроме того, каждая из этих ролей или функций придается верховному представителю государства не в обязательном, а лишь в вероятностном (факультативном) порядке.

Своеобразным источником концептуального выстраивания отношений главенства в государстве послужили неоднократно предпринимавшиеся в юридической науке попытки социологизировать понимание государства как субъекта права. Они привели к определениям государства как «юридической персонификации нации»³⁹, как «союза людей, организованного на началах права»⁴⁰, как правовой организации народа⁴¹. Такое понимание в целом позволяет возглавлять государство в прямом смысле: его глава ока-

³⁷ См., в частности: *Авакьян С.А.* Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М.: Юстицинформ, 2022. С. 224–227.

³⁸ См.: *Жулин А.А.* Учебник государственного права. Ч. I. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Пг., 1916. С. 262–265.

³⁹ См.: *Hauriou M.* Principes de droit public. 2ème éd. Paris, 1916. P. 304.

⁴⁰ Основы законоведения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. Общедоступные очерки И.А. Ильина, В.М. Устинова, И.Б. Новицкого и М.Н. Гернет. Изд. 4-е, испр. и доп. М., Пг., 1915. С. 69–75.

⁴¹ См., например: *Кистяковский Б.А.* Сущность государственной власти. Ярославль: Типография губернского правления, 1913. С. 6.

зывается предводителем народа (союза людей). Однако указанная метаморфоза имеет и значительный побочный эффект: юридическая связь государства с его главой (в форме представительства) заменяется социально-бытовой связью (предводительством).

Среди выработанных на настоящий момент юридических представлений о государстве рассмотренная группа концепций государства как субъекта права не является единственной совместимой с представлениями о наличии у последнего главы. Такие свойства, как это ни неожиданно на первый взгляд, проявляет и концепция государства как правового порядка⁴². Хотя в прямом смысле правопорядок, конечно, невозможно возглавлять, но метафорически главой можно считать персону или структуру, ответственную за поддержание и защиту правопорядка. Однако в этом случае роль главы государства более метко описывается словами «гарант» или «главный хранитель»⁴³ (конституции, конституционного порядка, правового порядка и т.п.).

В итоге, строго говоря, спектр юридически оправданных значений словосочетания «глава государства» сводится к одному: глава государства — представитель государства как субъекта права (по аналогии можно охарактеризовать главу региона, главу муниципального образования и пр.). Однако и в этом случае во избежание недоразумений от использования словосочетания «глава государства» в тексте регулятивных положений имеет смысл воздерживаться, ограничиваясь его употреблением в заголовках структурных единиц документа⁴⁴, преамбулах⁴⁵, мотивировочных частях решений Конституционного Суда.

В Конституции, — исходя из того, что она представляет собой не только юридический документ, но выполняет и политико-идеологическую функцию, — можно допустить употребление данного словосочетания и в других значениях. Однако в таком случае упоминание о главе государства еще более оправданно сконцентрировать в заголовках статей (иных структурных единиц). Такой подход позволяет компенсировать расплывчатость образного названия

⁴² См.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сборник переводов. Выпуск 2 / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. М.: Академия наук СССР, 1988. С. 111–116, 120–121, 135–137, 146, 152–164.

⁴³ Фр. “le gardien en chef de la Constitution” (*Hauriou M. Principes de droit public*. 2ème éd. Paris, 1916. P. 675).

⁴⁴ Этот не востребованный в действующей Конституции РФ технический прием, конечно, невозможно задействовать по отношению к ней, но его необходимо иметь в виду в случае начала работы над новой Конституцией.

⁴⁵ Это гипотетически возможно в случае принятия специального законодательного акта о Президенте.

структурной единицы конституционного акта конкретностью устанавливаемых в ее тексте полномочий и иных элементов правового статуса главы государства.

При понимании под государством обособленного (формально независимого от других) правового порядка главами государств, как уже было отмечено, образно можно называть лиц, ответственных за нерушимость данного порядка. В данной схеме глава государства — это «гарант и хранитель конституции»⁴⁶. В отечественной юридической науке указанная трактовка государства не завоевала популярности, однако в русле данного подхода находится (хотя и без признания авторами связи с ним) предложение о «трансформации института главы государства в институт главного хранителя конституционного строя»⁴⁷. Как и в ряде указанных выше случаев, главенство в данной схеме не имеет прямого характера⁴⁸.

Заключение

Сказанное позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, осмысление института главы государства «вообще» малопродуктивно. В принципе посредством синкретичного рассмотрения главы государства возможно сформировать широкомасштабное (с исторической или энциклопедической точки зрения) видение проблематики, но затруднительно придать ему системность. Во избежание смешения идеи главенства и института главы государства, понятия и соответствующего термина, подмены концептуальных представлений о главе государства нормативным закреплением института, распространения одного имени на разные понятия и иных вольных и невольных погрешностей в рассуждениях необходимо также рассматривать раздельно терминологическую, идейную и практическую (при необходимости и иные) стороны проблематики.

Во-вторых, вряд ли возможно уверенно утверждать о научной осмысленности конструирования единого понятия главы государ-

⁴⁶ См., в частности: *Шмитт К.* Гарант конституции // Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. С. 187–220; *Кельзен Г.* Кто должен быть гарантом конституции? // Там же. С. 359–410.

⁴⁷ *Краснов М.А.* Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // *Общественные науки.* 2008. № 6. С. 35. См. также: *Его же.* Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала президента // *Государство и право.* 2015. № 2. С. 17.

⁴⁸ Однако отсутствие главенства в буквальном смысле начальствующей роли никак не ограничивает фактическую влияние «хранителя» (напротив, возвышенный характер его функций может перекликаться с сакральным положением теократического монарха).

ства или о наличии научных оснований для такого конструирования. Упомянутое понятийное единство можно рассматривать лишь как временную пропедевтическую меру, дающую возможность ввести обучающихся в курс дела. Однако углубленное изучение данного вопроса в дальнейшем потребует развенчания этого вводного подхода. Синтетическое видение главы государства можно признать допустимым и в политической риторике и в журналистском обиходе, но аналитическое осмысление этой проблематики вынуждает констатировать наличие нескольких понятий главы государства, объединенных лишь лингвистически (вследствие привычного использования одного и того же термина в отношении нескольких взаимосвязанных, но отдельных понятий). В академических же рассуждениях требуется принимать во внимание не просто многообразие практических выражений рассматриваемого явления, а множественность разнородных явлений (и, соответственно, понятий). В противном случае такие рассуждения будут неизбежно сопряжены с подменой понятий и с фиктивными (не имеющими общего предмета) дискуссиями.

В-третьих, нормативное использование (в регулятивных положениях) словосочетания «глава государства» может быть оправданным с юридической точки зрения, в случае если слово «государство» в рамках данного документа используется в единственном значении, и если само это значение имеет юридический характер. Из юридических же концепций государства с «главой» совместимы лишь немногие (концепция юридической личности государства, концепция государства как правового порядка). При этом в первом случае главенство можно понимать только в переносном смысле, а второму более соответствует понятие гаранта (правопорядка или конституции в широком смысле). В связи с этим словосочетание «глава государства» можно считать лишь условно (в той мере, в какой это оправдано политико-идеологическими соображениями) пригодным для использования в нормативных документах.

(Окончание следует)

Литература

Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.

Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М.: ИНФОГРАФ, 1999. 384 с.

Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М.: Московское научное издательство, 1919. 210 с.

- Аристотель*. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Гессен В.М.* Общее учение о государстве: лекции, читанные в С.-Петербургском Политехническом Институте. СПб., 1912. 190 с.
- Глава государства: монография / отв. ред. А.М. Осавелюк. М.: Проспект, 2021. 400 с.
- Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
- Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. 958 с.
- Елистратов А.И.* Очерк государственного права (конституционное право). Издание второе, переработанное. М., 1915. 168 с.
- Еллинек Г.* Право современного государства. Издание 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессеном. Том I. Общее учение о государстве. СПб., 1908. 600 с.
- Жилин А.А.* Учебник государственного права. Ч. I. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Пг., 1916. 430 с.
- Иеринг Р.* Цель в праве. I том. СПб., 1881. 412 с.
- Ильин И.А.* Теория права и государства. М.: Издательство «ЗЕРЦАЛО», 2003. 400 с.
- Кистяковский Б.А.* Сущность государственной власти. Ярославль: Типография губернского правления, 1913. 42 с.
- Кокوشيкин Ф.Ф.* К вопросу о юридической природе государства и органов государственной власти. М., 1896. 32 с.
- Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Издание 6-е. Т. I. СПб., 1909. 624 с.
- Коркунов Н.М.* Указ и закон. СПб., 1894. 408 с.
- Краснов М.А.* Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // Общественные науки. 2008. № 6. С. 27–38.
- Краснов М.А.* Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала президента // Государство и право. 2015. № 1. С. 5–16; № 2. С. 5–17.
- Кутафин О.Е.* Глава государства: монография. М.: Проспект, 2015. 560 с.
- Лексин И.В.* К юбилею института президентства в России // Вест. Мос. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. № 4. С. 123–148.
- Магазинер Я.М.* Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. докт. юрид. наук А. В. Кравцов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 352 с.
- Основы законовещения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. Общедоступные очерки И.А. Ильина, В.М. Устинова, И.Б. Новицкого и М.Н. Гернет. Изд. 4-е, испр. и доп. М., Пг., 1915. 416 с.
- Платон.* Государство. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
- Покровский П.А.* К вопросу о субъектах международного права // Известия Министерства иностранных дел. СПб., 1912. Книга VI. С. 177–210.

Покровский П.А. О государственной власти. Опыт монистической конструкции юридической личности правового государства. Ярославль, 1914. 62 с.

Политика Аристотеля / Н. Скворцов; пер. с греч. языка, с примечаниями, с критическим исследованием о Политике Аристотеля и с двумя экскурсами. М.: Университетская типография, 1865. 464 с.

Сравнительное конституционное право / отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Манускрипт, 1996. 728 с.

Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. 228 с.

Цицерон. Диалоги / отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. 226 с.

Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сборник переводов. Выпуск 2 / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович. М.: Академия наук СССР, 1988. 214 с.

Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. 448 с.

Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. 1272 с.

Bodin Angeuin I. Les Six Livres de la République. Paris, 1576. 838 p.

Cicero M.T. On the Commonwealth. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1960. 276 p.

Cicero M.T. Vom Gemeinwesen. De re publica Lateinisch und Deutsch. Zürich: Artemis, 1973. 401 s.

Ciceronis M.T. De Re Publica. Bostoniae: O. Everett, 1823. 144 p.

Defensor Pacis: sive Adversus Usurpatam Rom. Pontificis Iurisdictionem, Marsilii Patavini. Francofurti, 1592. 496 p.

Fortescue. De Laudibus Legum Angliae. The Translation into English and the Original Latin Text with Notes. Cambridge, 1825. 296 p.

Hauriou M. Principes de droit public. 2ème éd. Paris, 1916. 828 p.

Ioannis Saresberiensis. Policraticus: sive De nugis Curialium, et vestigiis Philosophorum, libri octo. Lugduni Batavorum, 1595. 546 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лексин Иван Владимирович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail:* leksin@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Leksin I. — DSc, Head of Department of Legal Foundations of Public Administration, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. *e-mail:* leksin@spa.msu.ru